

Посвящается Энтони Клири

Ни одно крупное состояние
немыслимо без преступления.

*Оноре де Бальзак*¹

¹ В качестве эпиграфа использована искаженная цитата из романа «Отец Горио» (1835), с подачи Марио Пьюзо получившая широкое распространение. Полный вариант звучит так: «Тайна крупных состояний, возникших неизвестно как, сокрыта в преступлении, но оно забыто, потому что чисто сделано» (пер. Е. Корша). — *Здесь и далее прим. пер.*

Книга первая

Глава 1

Америго Бонасера сидел в Третьем отделении уголовного суда города Нью-Йорка и ждал, когда меч правосудия покарает негодяев, что попытались обесчестить и жестоко избили его дочь.

Судья засучил рукава мантии, будто собственными руками собирался наказать двух молодых людей, сидящих на скамье подсудимых. Его суровое крупное лицо выражало холодное презрение. Тем не менее Америго Бонасера чувствовал в происходящем какую-то непонятную фальшь.

— Вы повели себя как настоящие выродки, — жестко произнес судья.

«Да, да! — мысленно кивал Бонасера. — Как звери. Даже хуже». Молодые люди, коротко стриженные и гладко выбритые, покорно склонили набриолиненные головы, изображая раскаяние.

— Вы показали, что мало отличаетесь от дикарей в джунглях, — продолжал честить их судья. — Ваше счастье, что не дошло до изнасилования, иначе сидеть вам за решеткой по двадцать лет.

Он помолчал, воровато стрельнул глазами в сторону Бонасеры, потом уставился на стопку отчетов о поведении поднадзорных и, нахмурив мохнатые брови, вздохнул, словно шел наперекор своим убеждениям.

— Однако, — продолжил он, — поскольку вы молоды, ранее не судимы, принадлежите к уважаемым семействам и поскольку мы здесь за тем, чтобы вершить правосудие, а не возмездие, я приговариваю вас лишь к трем годам тюремного заключения. Приговор вынесен условно.

Только благодаря профессиональной выдержке, накопленной за сорок лет работы мастером похоронных дел, на желтоватом лице Америго Бонасеры не отразилось ни тени негодования и ненависти. Его красавица дочка лежит в больнице с шинированной челюстью, а этих скотов — этих *animales* — отпускают? Фарс какой-то. Он смотрел, как улыбающиеся родители обнимают своих сынишек. Конечно, чего бы им всем не радоваться?

К горлу комом подкатила горькая желчь, выступила через плотно стиснутые зубы, и Бонасера прикрыл рот чистым льняным платочком. Так он и стоял, а молодые люди свободно шли по проходу, самоуверенные и довольные, не удостоив старика даже взглядом. Он молча пропустил их мимо, не отнимая платка от губ.

Следом шли родители этих негодяев — двое отцов и две матери одного возраста с Бонасерой, но одетые более по-американски. В их слегка стыдливом взгляде читался некий надменно-победоносный блеск.

Не сдержавшись, Америго Бонасера высунулся в проход и хрипло прокричал, промакивая платком глаза:

— Вы у меня еще поплачете! Будете плакать так же, как я плачу из-за ваших детей!

Адвокаты, замыкающие процессию, стали подгонять своих клиентов, не пуская недавних подсудимых, которые двинулись было назад защищать родителей. Широкоплечий пристав спешно перегородил ряд, где стоял Бонасера. Впрочем, надобности в этом не было.

Все годы, прожитые в Штатах, Америго Бонасера верил в правосудие — тем и преуспевал. Теперь его сердце пылало ненавистью, а в голове металась безумная мысль купить пистолет и пристрелить малолетних негодяев. Тем не менее он нашел силы повернуться к жене, все еще оторопелой от случившегося.

— Над нами надругались, — произнес Бонасера, уже зная, что нужно делать, и понимая, что за ценой не постоит. — Если мы хотим справедливости, то должны пойти на поклон к дону Корлеоне.

* * *

В безвкусно обставленном номере лос-анджелесской гостиницы Джонни Фонтейн, как всякий мужчина и супруг, заливал ревность скотчем. Развалившись на красном диване, он пил прямо из горлышка бутылки, а потом полоскал рот глотком талой воды из ведерка со льдом. Было четыре утра, и в пьяном полубреду Джонни воображал, как расправится с женой, когда та вернется с очередной гулянки. Если вернется. Звонить бывшей и спрашивать про детей было уже поздно, а друзьям — неловко. Да, раньше его звонки посреди ночи им даже льстили, но теперь, когда карьера Джонни неслась под откос, скорее раздражали. Он усмехнулся, вспомнив, как в пору взлета на его зов с готовностью откликались знаменитейшие актрисы Америки...

Делая очередной глоток, Джонни услышал, как в замке поворачивается ключ, но не встал с дивана и продолжал пить, пока жена не вошла в комнату. Он восхищался ее красотой: ангельским личиком, ласковыми фиолетовыми глазами, хрупкой, но идеально сложенной фигурой. На экране эти черты становились еще более выразительными, почти неземными. Миллионы мужчин

по всему миру боготворили образ Марго Эштон и платили деньги, чтобы смотреть на нее снова и снова.

— Где тебя носило? — рывкнул Джонни Фонтейн.

— Трахалась.

Джонни был трезвее, чем выглядел. Он перемахнул через коктейльный столик, схватил жену за горло, но, оказавшись вплотную с этим чарующим лицом и милыми глазами, тут же растерял весь свой гнев. Марго позволила себе ухмыльнуться, и зря: Джонни мгновенно сжал кулак.

— Только не по лицу! — взвизгнула она. — У меня съемки!

«Издевается!» — подумал Джонни и ударом в живот повалил жену на пол, а сам уселся сверху. Марго хватала ртом воздух, отдавая мужа ароматным дыханием. Он бил ее по рукам, по шелковистым, загорелым бедрам. Он бил ее, как давным-давно, подростком, избивал сопляков на улицах нью-йоркской Адской Кухни¹ — больно, но не оставляя травм вроде выбитых зубов или сломанного носа.

Однако бить в полную силу ему не хватало духу, и от этого Марго раззадорилась еще сильнее. Распластанная на полу, с задранными до пояса парчовым платьем она сквозь смех подначивала:

— Ну же, Джонни, засади мне! Засади! Ты же этого хочешь!

И Джонни Фонтейн сдался. Он ненавидел жену, но красота делала ее неуязвимой. Марго перекатилась в сторону, грациозно вскочила на ноги и стала приплясывать, напевая:

¹ Адская Кухня — район Манхэттена, также известный как Клинтон, где в основном проживали иммигранты ирландского и итальянского происхождения; свое название получил из-за высокого уровня преступности.

— Джонни, мне не больно, Джонни, мне не больно!
А потом, печально поджав губки, сказала:

— Дурачок ты. Устраиваешь мне порку, а дерешься как мальчишка... Ах, Джонни, мой глупый влюбленный хомячок, ты даже в постели как мальчишка. Все веришь в свои дурацкие песенки о любви... — Вздохнула. — Пока-пока, беденький.

Она ушла в спальню и заперлась на ключ.

Джонни сидел на полу, закрыв лицо руками. Его тошнило от бессилия и отчаяния. Лишь благодаря тупому упрямству, не раз выручавшему его в безжалостных голливудских джунглях, он заставил себя подойти к телефону и вызвать такси до аэропорта. Он полетит в Нью-Йорк — к единственному человеку, который может ему помочь. К человеку, обладающему властью, а еще мудростью и теплотой, которых Джонни так не хватает. К своему крестному отцу Корлеоне.

* * *

Пекарь Нацорине, пышный и румяный, как и его фокачча, упер испачканные мукой руки в бока и сурово оглядел жену, дочку на выданье и помощника Энцо. Тот стоял перед Нацорине, уже переодевшись в робу военнопленного с зеленой нашивкой на рукаве, и переживал, что из-за этой сцены опоздает отметить на базе острова Говернорс. Как и тысячи других итальянских солдат, которым заключение заменили трудовой повинностью на благо американской экономики, Энцо пребывал в постоянном страхе, что его вернут в лагерь. Оттого-то и этот спектакль воспринимал абсолютно серьезно.

— Мою семью, значит, захотел опозорить? — строго вопрошал Нацорине. — Услыхал, что войне конец и тебя вот-вот выпрут из Америки обратно на Сицилию

месить говно — и решил оставить моей дочурке подарок на память?

Энцо прижал руку к сердцу.

— *Padrone*¹, — произнес он, чуть не плача, хотя и не забывая о приличиях, — клянусь Девой Марией, у меня и в мыслях не было злоупотреблять вашей добротой. Я искренне люблю вашу дочь и с глубоким уважением прошу ее руки. Понимаю, что недостойн, но, если меня отправят назад в Италию, вернуться в Америку и жениться на Катерине я уже не смогу.

— Хватит издеваться над юношей, — вмешалась Филомена, супруга Нацорине. — Ты знаешь, как надо поступить. Укрыть Энцо у нашей родни на Лонг-Айленде.

Катерина рыдала. Она была пухленькая, в отца, и совершенная простушка, да еще и с усиками под носом. Низкорослый и кряжистый, однако по-мужски привлекательный, Энцо был для нее единственной возможной партией — и единственным, кто с таким уважением касался ее укромных мест.

— Если ты не удержишь Энцо, я сбегу из дома! — крикнула она папе. — Я уеду за ним в Италию!

Тот хитро покосился на дочку. Вот ведь вертихвостка... Нацорине видел, как она терлась мясистыми ягодицами об Энцо, когда парень протискивался мимо нее к прилавку, чтобы выложить свежеиспеченные лепешки и булочки. «Стоило мне отвернуться, — закралась в голову скабрзная мысль, — как этот пострел наверняка засовывал свой багет к ней в печку». А стало быть, Энцо нужно удержать в Америке и обеспечить американским гражданством. Устроить это мог только один человек. Крестный отец. Дон Корлеоне.

¹ Мастер (*um.*).

* * *

Эти трое, как и многие другие, получили тисненные золотом приглашения на свадьбу мисс Констанции Корлеоне. Торжество было назначено на последнюю субботу августа 1945 года. Отец невесты, дон Вито Корлеоне, про старых друзей и соседей не забывал, хоть сам уже давно переехал в особняк на Лонг-Бич. Там же с утра до самой ночи должен был проходить праздничный прием, обещающий, без сомнения, стать грандиозным событием. Война с Японией закончилась, поэтому страх за воюющих где-то далеко сыновей веселья никому не омрачал. А где еще давать волю радости, как не на свадьбе?

И вот субботним утром друзья дона Корлеоне отправились из Нью-Йорка на загородное празднество. У каждого был кремового цвета конверт со свадебным подарком — пачкой наливных. Никаких чеков. В каждом конверте также лежала карточка с именем дарителя и величиной его уважения к крестному отцу — уважения искреннего и заслуженного.

Любой мог обратиться к дону Вито Корлеоне за помощью, и никто не уходил обиженным. Дон не давал пустых обещаний и не искал трусливых отговорок — мол, руки у него связаны более могущественными силами. При чем совершенно не важно, считает ли он тебя другом и можешь ли ты хоть чем-то ему отплатить. Условие только одно: ты сам должен назвать себя другом Корлеоне. Этого хватало, чтобы дон отнесся к бедам просителя, пускай самого бедного и ничтожного, как к своим, а потом решил их проблемы, невзирая ни на какие преграды. А что взамен? Лояльность и уважительное обращение «дон» или, порой, более ласковое — «крестный отец». А иногда, в знак почтения и никак не в качестве дани, — галлон домашнего вина или корзинку перченых тарал-

ли¹, специально испеченных к рождественскому столу благодетеля. Приличным, даже вполне естественным, также считалось говорить всем, что ты у него в долгу и что он имеет право в любой момент обратиться к тебе за какой-нибудь ответной услугой.

В этот большой день, в день свадьбы дочери, дон Вито Корлеоне стоял на крыльце своего особняка и приветствовал гостей. Каждого из них он знал и каждому доверял. Многие были обязаны дону своими жизненными успехами и не стеснялись называть его «крестным отцом» на людях — тем более что повод такой семейный. Даже организацией праздника занимались друзья. Напитки разливал старый товарищ дона, профессиональный бармен; он же и обеспечил свадьбу алкоголем. Закуски разносили приятели сыновей дона. Всю еду для застолья приготовили жена дона и жены его соратников, а веселенькие гирлянды и другие украшения по всему саду, раскинувшемуся на добрый акр, развесили подружки невесты.

Дон Корлеоне выказывал глубокое почтение всем гостям: богатым и бедным, влиятельным и простым. Он никого не обходил стороной — таков был его принцип. Гости, в свою очередь, так восторгались его костюмом, что случайному прохожему могло бы показаться, будто дон и есть счастливый жених.

Рядом с ним на крыльце стояли двое сыновей. Хотя старшего крестили как Сантино, все, кроме отца, называли его Санни. Пожилые итальянцы смотрели на Санни неодобрительно, молодежь — с обожанием. Ростом под метр восемьдесят, он был высок для потомка имми-

¹ Таралли — итальянское хлебобулочное изделие, напоминающее сушки; бывает сладким или со специями. Распространенное угощение на Сицилии, где его употребляют, макая в вино.

грантов в первом поколении, а из-за пышной курчавой шевелюры казался еще выше. Лицом Санни Корлеоне напоминал откормленного купидона; среди аккуратных черт выделялись пухлые, чувственные губы с острой впадинкой и почти неприличная ямочка на подбородке. Телосложение у него было бычье, а о размерах мужского достоинства ходили легенды. Поговаривали, будто его жена страшилась первой брачной ночи, как средневековые безбожники — дыбы. Шептались также, что, когда юный Санни посещал порочные заведения, даже самые прожженные из *puttane*¹ при виде его органа требовали двойную плату.

Некоторые гости из тех, что помоложе, крутобедрые и большеротые, смотрели на Санни Корлеоне хозяйским взглядом, однако в этот день все их усилия были напрасны. Хотя на свадьбе были его жена и трое детей, Санни уже положил глаз на главную из подружек невесты — Люси Манчини. Девушка знала, что ее ждет. Она сидела за садовым столиком, одетая в строгое розовое платье и с цветочным венком в блестящих черных волосах. Всю прошлую неделю на репетициях она заигрывала с Санни, а утром у алтаря пожала ему ладонь. Большого незамужней девушке не позволялось.

Люси не было дела до того, что Санни нипочем не сравнится с отцом. Да, он храбр, силен и щедр, а сердце у него не уступает по размерам мужскому органу. Однако ему недостает отцовской сдержанности, и вспыльчивый темперамент нередко толкает его на необдуманные поступки. Санни во всем помогал дону, однако мало кто верил, что он унаследует семейное дело.

Второго сына звали Фредерико, для своих — Фредди или Фредо. О таком ребенке молил святых каждый италья-

¹ Проститутки (*um.*).

янец: ответственный, верный, всегда готовый услужить и даже в тридцать лет живущий в родительском доме. Он был невысок, широкоплеч, некрасив, но с такой же купидоньей головой, богатой курчавой шевелюрой и пухлыми губами. Вот только во Фредо, в отличие от Санни, они подчеркивали не чувственность, а суровую угрюмость. Тем не менее средний сын служил надежной опорой отцу, никогда ему не перечил и не позорил фамилию скандальными выходками с женщинами. Увы, невзирая на все эти качества, Фредо не хватало природного магнетизма и животной силы, столь необходимой лидеру, а потому его тоже не прочли в преемники дона.

Был и третий сын, Майкл Корлеоне. Он не стоял рядом с отцом и братьями, а сидел за столиком в самом глухом уголке сада, хотя даже там не мог избежать внимания друзей и знакомых.

Майкл был младшим сыном дона и единственным, кто ни в чем не походил на отца. Лицо у него было узкое, а черные, как смоль, волосы лежали прямо, без намека на кудри. Смугловатая кожа сделала бы честь любой красавице, да и вообще его изящная внешность отдавала какой-то девичьей привлекательностью. Было время, когда дон всерьез сомневался в мужественности сына. Впрочем, в семнадцать лет Майкл Корлеоне доказал, что все опасения беспочвенны.

Теперь младший сын сидел за отдельным столиком, как бы подчеркивая желание дистанцироваться от родни. Рядом с ним сидела молодая американка — о ней все слышали, но до сего дня еще никто не видел. Майкл, конечно же, в полном соответствии с этикетом представил ее всем гостям, в том числе родственникам. Те не впечатлились: слишком худая, слишком бледная; лицо слишком умное для женщины, поведение слишком раскованное для девицы. Да и зовут ее как-то чужеродно:

Кей Адамс. Скажи она, что имя у нее вполне обыкновенное для семейства, чьи предки переселились в Америку двести лет назад, все только пожали бы плечами.

Гости, естественно, заметили, что и дон почти не обращает внимания на младшего. До войны Майкл был его любимчиком и наиболее вероятным преемником в семейном деле. Умом и силой воли он не уступал родителям, а также имел врожденный талант любым своим поступком вызывать уважение окружающих. Однако когда началась Вторая мировая, Майкл Корлеоне пошел добровольцем в морскую пехоту — наперекор воле отца.

Дон не желал, чтобы его младший сын отдавал свою жизнь за страну, которая даже не была ему родиной. Он подкупил врачей, договорился с комиссией — все эти меры стоили ему больших денег. Но Майкл уже в двадцать один год привык добиваться желаемого. Он самочинно явился на призывной пункт, и его отправили воевать на Тихоокеанский фронт. Там он заработал награды и дослужился до капитана. В 1944 году его фотографию с перечислением всех подвигов напечатали в журнале «Лайф». Когда кто-то из друзей показал дону этот разворот (родные так и не решились), тот разочарованно хмыкнул и сказал: «Такие подвиги, и все ради посторонних».

В начале 1945 года младшего Корлеоне комиссовали по ранению — он даже не подозревал, что за этим решением стоял отец. Несколько недель Майкл провел в родительском доме, а затем, ни у кого не спросившись, поступил в Дартмутский колледж города Хановер, штат Нью-Гемпшир. Вернулся он только теперь, на свадьбу сестры, да еще и в компании будущей супруги — американки, похожей, по общему мнению, на бледный скелет.

Майкл развлекал Кей Адамс забавными анекдотами из жизни наиболее колоритных гостей. Его же, в свою